

Игорь ГМЫЗА: «Привыкаю к положению свободного художника»

стилиста. Вообще и имидж, и авторитет — вещи серьезные, они нарабатываются годами, а разрушаются в течение нескольких минут.

— Кем работает ваша жена Наталья?

— Она сценарист и режиссер, занимается постановкой всякого рода массовых действий, церемоний и награждений.

— И вас наверняка приглашает на церемонии в качестве ведущего...

— Как вы это угадали? (смеется) Нет, не так, чтобы часто. Но у меня есть одно очень жесткое условие: я работаю только на сцене. Мне однажды пришлось поработать перед аудиторией за столиками. И тогда я себе дал зарок, что перед жующими людьми больше работать не буду.

— Сейчас вот многие известные люди подались в партию. Звали ли вас к кому-нибудь примкнуть?

— Пока не звали. А то, что интеллигенция встает под знамена партии власти, — это, наверное, новое веяние. Хотя не такое уж и новое. Каждый вытирает для себя и по себе, как у Окуджавы. Я пока никуда не собираюсь. Вообще я считаю,

что журналист должен быть беспартийным, потому что журналист — представитель общества, а общество — оно разное, многослойное, многопартийное. Поэтому человек с камерой, с диктофоном, с пером наперевес должен в первую очередь отстаивать интересы общества, а не какой-то партии. К власти можно относиться по-разному, но нужно обязательно помнить о тех людях, которые стоят за тобой. Вы обратили внимание, что Первый канал некоторое время назад сменил свое название? Он оставил звание общественного телевидения. Видите, как трудно быть общественным телевидением. Тоже новое веяние...

— Можете ли озвучить ваши планы на будущее?

— У меня уже есть несколько интересных предложений. Меня приглашают и в качестве ведущего новостной программы, есть задумка и по созданию собственного проекта. Сейчас загадывать не хочу, все-таки немного суверен. Еще в бытность на Первом канале я прекрасно отдавал себе отчет, что нахожусь на самой верхушке в иерархии ведущих. Дальше уже некуда.

Оказывается, все-таки выход есть.

— Чтобы отвлечься от грустных мыслей, скажите — вам понравилось в Тунисе?

— Мой сын Никита вчера сказал: «Арабы — это хорошо, но хочется пальмелей». Я глечко с ним солидарен. Все прекрасно, хотя погода слегка ветреная, но над ней мы не властны. Мы с семьей всегда уезжаем на отдых с девизом: «Нам его никто не испортит». Поэтому, если нет погоды, я говорю: хорошо, не жарко. Или наоборот: хорошо, не холодно. Считаю, что всегда должен быть позитивный настрой.

— Какой же сувенир вам будет напоминать о вашем неожиданном отдыхе?

— Наталья купила верблюда из оливкового дерева. Вот он и будет напоминать о Тунисе. Не хочется везти домой лишнего. Потом подумаешь, зачем я это купил? Жизнь-то развивается и мы вместе с ней. Меняются акценты, меняются интересы. Все складывается в наш чемоданчик, с которым мы идем по жизни. Что-то периодически оттуда достаешь, освежаешь в памяти, потом кладешь обратно и идешь вперед.

Валерия ВАЛЬЦОВА

Телеведущего Игоря Гмызу российским зрителям особо представлять не надо. Девять лет он проработал диктором информационных программ Первого канала, однако с некоторыми пор один из самых узнаваемых ведущих с экрана исчез. За разъяснениями мы обратились в пресс-службу Первого канала. Там нас уверили, что Гмыза все еще находится в творческом отпуске. Но все оказалось не так просто. Ситуацию прояснил сам Игорь Гмыза, с которым нас случайно свела судьба на отдыхе в Тунисе во время майских праздников.

— Игорь, так необычно встретить вас на отдыхе — знаю, что жизнь телеведущих расписана буквально по минутам. Эта ваша поездка в Тунис была спонтанной или запланированной?

— В общем-то спонтанной, потому что я с 31 марта разорвал свои отношения с Первым каналом и решил взять себе небольшой таймаут, отдохнуть за девять лет телевизионной работы. А почему бы и нет?

— И как вы относитесь к этому внезапно образовавшемуся свободному времени?

— Пожалуй, мне странно, что оно у меня есть. Отрабатыв столько лет сначала на ОРТ, затем на Первом канале, мне никогда не удавалось урвать больше двух недель отпуска. Тем более праздники — это всегда горячая страда у новостных телевизионщиков. Поэтому пока с трудом привыкаю к положению свободного художника. Останкино — это особый дух. А прямой эфир — это своеобразный наркотик. И людям, которые на него подсаживаются, конечно, без этого потом трудно. Но нельзя ведь жить одной работой, надо посвящать время и себе, и семье, и друзьям. К тому же у меня есть основание предполагать, что недолго придется отдыхать и прозябать в бездействии.

— Смотрю, соотечественники узнают вас даже здесь. Вы к этому уже привыкли?

— Я спокойно отношусь к тому, что меня узнают на улицах. Когда со мной здороваются, как со старым знакомым, я всегда отвечаю. Это дань профессии. Хотя я никогда не любил после работы, будучи еще в костюме и при

галстук, заезжать в большие магазины. Немножко неуютно чувствовал себя в экранном образе. А вот приехав домой, переодевшись в гражданскую одежду, я спокойно управлялся по своим делам. Помню один забавный случай. Это было в 1998 году, в самый разгар кризиса, когда продукты сметались с магазинных полок. Я отправился на рынок. Там какие-то, как сейчас говорят, «люди кавказской национальности» торговали картошкой. Помню, что они мне ее просто подарили, сказав: «Тебе? Так забирай!». Наверное, это был лик моей популярности. Думаю, что именно этот момент стоит помнить, а все остальное — как приходит, так и уходит. Пока человек на экране, его узнают, его вспоминают, его приглашают. Человек уходит с экрана, проходит какое-то время, и все — приходят новые. Телевидение — это страшный организм. Туда человек попадает, какое-то время варится в команде, ему кажется, что он звезда, а потом что-то происходит, и человека отбрасывают в сторону. И в этот момент уже важно то, насколько ты к этому готов. Вот это действительно тяжело.

— Как вы попали в команду Первого канала?

— Это была голливудская история. Я работал ведущим в новостях на «Радио России» и совершенно случайно познакомился с Игорем Поточкиным. Тогда он был заместителем главного редактора информационного телеагентства. И как-то он мне позвонил и предложил стать ведущим программы «Время». Это было такое неожиданное предложение. Я даже сразу не нашелся, что ему ответить. Он поступил хитро, сказал: «Ты видел нашу студию? Пойдем, я тебе ее покажу». Мы поднялись в эфирную студию, он показал мне кресло ведущего, телесуфлер и тут же предложил сесть и записать с телесуфлера чужой текст. Я записал, а через какое-то время он мне позвонил и сказал, что моя кандидатура утверждена, и я могу оформлять свои отношения с Первым каналом. Эта история произошла 9 лет назад. С тех пор я был ведущим программы «Время», лицом канала, олицетворением всего и вся. Ну а сейчас, видимо, мой экранный имидж перестал соответствовать имиджу канала, и мне было объявлено, что компания приняла решение разорвать со мной контракт. Я не стал, что называется, бодаться с компанией. Хотя и не совсем понимаю обозначенных форм: компания, акционеры... Кто имен-

но? Не думаю, что сам Абрамович решал судьбу ведущего новостей. Но тем не менее, что случилось — то случилось. Поэтому этап работы на Первом канале считаю для себя закрытым.

— Девять лет... Не каждый так долго продержится на одном канале. Многие ведущие чуть ли не ежегодно переходят с одной кнопки на другую.

— Может быть, это будет нескромно с моей стороны, но читатели, надеюсь, мне простят, однако, мне кажется, что я достаточно хороший специалист в своем деле. Наверное этим и обусловлено, что я проработал на Первом канале столько лет храня, скажем так, корпоративный дух.

— Как вы считаете, в чем все-таки истинная причина вашего увольнения?

— Мне не объяснили причину! Это самое парадоксальное и самое обидное в данной ситуации. Мне не предложили никакой альтернативы. Если ведущего убирают из эфира, то его можно отправить на административную или редакторскую работу. Но все произошло именно таким образом — меня просто «попросили» с канала. Хотя я сейчас анализирую ситуацию, и у меня создается двойственное чувство. С одной стороны, есть некая обида — все-таки столько лет вместе. С другой, иногда в жизни стоит закрыть какую-то страничку, чтобы открыть новую. И есть ощущение, что новая страничка вот-вот откроется. Этот этап пройден, идем дальше (смеется).

— Заметила интересную тенденцию — ведущие новостей сейчас стремительно молодеют?

— Это действительно так, но мое мнение — это неправильно. Ну не может молодой парень, не имеющий еще жизненного опыта, мудрости, преподнести всей стране новости, порой действительно трагического характера. Мне однажды сделали довольно необычный комплимент. «Независимая газета», давая характеристику номинантов на «ТЭФИ», написала: «Если наступит конец света, хорошо бы, чтобы в прямом эфире об этом объявил именно Игорь Гмыза». Они посчитали, что у меня на редкость спокойная и доверительная манера подачи новостей.

— Необычно видеть вас улыбающимся: все-таки мы привыкли к вашему серьезному лицу, к строгому костюму. Вам было запрещено улыбаться в эфире?

— Ну неужели я казался таким серьезным? Я в эфире иногда улыбался. Но дело в том, что новости — это такой

специфический продукт: хорошие и плохие перемежаются между собой. Довольно сложно перейти от улыбки до улыбки к трагической гримасе. Надо соблюдать грань. Вообще мне кажется, что в новостях должен быть максимум нейтральной лексикой и нейтрального отношения. Но, может, менталитет у нас такой, нам все время хочется, чтобы нам объясняли: вот это хорошо, а вот это плохо.

— Ваш путь на телевидение начался сразу с такой высокой планки — с должности диктора программы «Время»?

— Нет, до Первого канала и еще до «Радио России» мне довелось несколько лет вести программу «Детский час». В ней учили детей разным языкам. У меня была передача с немецким языком. Правда, немецкий я сам так и не выучил (смеется).

— А кто вас научил так чисто и правильно говорить по-русски?

— Мои замечательные педагоги из театрального института во главе с Михаилом Ивановичем Царевым. Мне никто не верит, но когда я, приехав из Минска, поступил в Театральное училище имени Щепкина, у меня был сильный белорусский говор. Слава моим педагогам по речи — а это Вера Урнова, Евгения Ларионова и основной педагог по мастерству Римма Гавриловна Солнцева, которые сумели меня обучить русскому языку! Мне тут сообщили, что в Институте повышения квалификации работников телевидения и радио на меня ссылаются как на эталон и образец диктора. Это льстит моему самолюбию.

— Значит ваша необычная фамилия Гмыза имеет белорусские корни?

— Да, но, честно скажу, даже не представляю, что она означает.

— Как же вы решились совсем юным молодым человеком приехать в Москву?

— По молодости лет чего не сделаешь?! Мне ведь было всего 17. Я приехал один в чужой город. Родители не были в шоке от моего решения, мама как раз хотела, чтобы я поступил в театральный институт. Хотя я сам только в середине 10-го класса решил, что уеду в Москву. Я тогда записался в театральную студию при минском Доме кино и попробовал себя в актерском мастерстве. Во мне что-то проснулось, и я понял — надо поступать в театральный. Все безумные конкурсы в «Щепку» прошел с первого раза. И честно на протяжении четырех лет старался постичь азы профессии.

— В театре сколько-нибудь служили?

— Совсем недолго, потому что после института меня призвали в армию на полтора года. После армии меня взяли в Театр на Спартаковской площади, который сейчас называется Театр «Модерн» Светланы Враговой. Он был создан на базе нашего курса. Я пришел в театр и понял, что он не совсем, скажем так, здоров: его раздирают интриги, группировки. Какое-то время я там поваялся и почувствовал, что меня это все засасывает. Междоусобной борьбе можно по большому счету посвятить всю жизнь. Но у меня хватило ума сказать себе «Стоп!» и начать искать что-то другое. Сначала я пошел в дикторский отдел Гостелерадио, и Игорь Леонидович Кириллов меня не взял (смеется). После этого я прошел конкурс в дикторский отдел Всесоюзного радио, затем опять же по конкурсу — вся жизнь у меня сплошные конкурсы, перешел на «Радио России» ведущим информационных программ, и уже от туда плавно перекочевал на телевидение.

— Может быть, настала пора вернуться в театр?

— Уже не хочу. Актер — не мужская профессия.

— А профессия диктора мужская? Как вы относитесь к гриму, к постоянной смене костюмов?

— На самом деле никто особенно не работал над моим имиджем кроме меня и моей супруги. Ее зовут Наталья, мы вместе учились в театральном институте. А к тону, пудре и подведенным глазам отношусь как к части профессии. Только непрофессиональные люди могут сказать, что им не надо гримироваться. А все профессионалы знают, что разрешение телевизионной камеры во много раз выше, чем разрешение человеческого глаза, и все дефекты кожи на экране видны намного сильнее. Вот возвращаться домой в троллейбусе, не сняв грим, это действительно напрягает.

— Кто вам подбирал костюмы в эфир?

— Сначала работал в своих. А несколько лет назад Первый канал раскошелился и стал одевать своих ведущих.

— Не думали ли сменить строгий образ на более спортивный, молодежный?

— Коль скоро я столько лет занимаюсь новостями, то галстук и пиджак — это моя униформа. Если бы я вел программу для тинейджеров, то поменял бы имидж. Возможно, понаблизилась бы даже помощь профессионального